
Александр СОБОЛЕВ

МЕДИТАЦИЯ НА КРАСНОМ ГЕОРГИНЕ

Дрожит весь воздух золотой.
Н. Заболоцкий

В осеннего воздуха медленный ток
небрежной рукой вплетена паутина,
и мощный, раскидистый куст георгина
венчает прекрасный цветок.

Как слизень, в слепом летаргическом трансе
сквозь влажные дебри пластинчатой чаши
свое существо незаметно влачащий —
так взгляд, замирая на каждом нюансе,
скользит осторожно по зелени темной,
вдоль русел прозрачного терпкого сока,
сквозь тени и блики восходит истомно
к цветку без греха и порока.

Не темпера, не акварель, не сангина
смирненно творили цветок георгина,
но плотное масло, мазок за мазком.
Он алый, как крест на плаще паладина,
и темно-багрова его середина,
и с плотью планеты извечно едина,
и звездам он тоже знаком.

Он в душу вмещается полно и сразу,
и в ней позабытый восторг воскресает,
и пиршество глаза — на грани экстаза,
когда откровением вдруг потрясают
отшельника — лики на створках киота,
а кантора — громы классической фуги,
спартанца — кровавая рана илота,
любовника — лоно подруги.

Он цвета любви, полыхающей яро,
родник нестерпимого красного жара...

Александр Юрьевич Соболев — автор четырех поэтических сборников. Публиковался в журналах «Ковчег» (Ростов-на-Дону), «Дети Ра» (Москва), «Prosōdia», «Москва», «Южное сияние», «Казань», электронных журналах «Релга», «Гостиная», альманахах «45 параллель», «Интеллигент» (Санкт-Петербург) и некоторых других изданиях. Лауреат пяти поэтических конкурсов и фестивалей, член Союза российских писателей, по образованию физик. Живет в Ростове-на-Дону.

И поздние пчелы стремятся к летку,
вкусив от его бескорыстного дара,
и солнце — сверкающей каплей нектара!
И первая чакра моя, муладхара,
раскрыта навстречу цветку.

* * *

Подмораживает. Луна.
Полотно голубого льна
на булабочках звезд растянуто.
Время позднее. Ранний март.
У котов сезонный азарт,
и надежды их не обмануты.

Все потаяло, снега нет,
но везде водянистый свет
и лагунами, и заливами,
и везде ледок молодой
прорастает, хрустя слюдой
под шагами неторопливыми.

Голубым сияньем облит,
разметавшийся город спит,
и ни ангела с ним, ни няньки.
Светят два или три окна,
безмятежность и тишина,
как на хуторе близь Диканьки.
Ни следа дневной суеты...

Вдохновенно орут коты!
Только им да луне не спится.
Ночь приветлива, ночь светла!..
Редко-редко мелькнет метла,
а на ней нагишом — девица.

СТАРИК

Этот шаткий шаг при прямой спине
и замявшийся воротник...
Плоскодонной лодкой на злой волне
по бульвару идет старик.
Он гордится статью своих костей
и забытых женщин числом.
Он годится внукам чужих детей,
как верблюд или старый слон —
но не любит смех, и поборник схем,
и живет, как велят врачи.

Он судья для всех, но на пользу всем
исключен из числа причин.
Он заспал грехи и счета закрыл.
Под неистовый стук часов
он с экранов цедит бразильский криль
через сивую ость усов.

Этот серый день, этот день сырой
нахлобучил седой парик.
Бормоча порой, под морщин корой
по бульвару идет старик.
Для него лучится с афиш Кобзон,
а с дешевых листовок — вождь.
Он опять забыл в магазине зонт,
и поэтому будет дождь.

СОЛОВЕЙ И РОЗА

Да пребудет роза редифом!..

А. Тарковский

На рынке музыкальный мужичок
в базарный день свое искусство кажет:
его свирель — пластмассовый сверчок
(и с дюжину — в коробке, на продажу).
То — соловей... Бирюлька, пустельга,
свисток с водой, штампованная штучка.
Он неказист, но песня дорогá —
живой ручей, веселый и блестящий!

Ему цена — целковый без рубля.
Среди колбас, лимонов-канареек,
сырых лещей, несбывшихся цыплят,
пупырчатых гусей, манящих взгляд,
на быстрине ноябрьского борея
бурлит его причудливая трель.
Не сам Орфей, но что-то в этом роде, —
горит на солнце, словно карамель,
дрожит в ушах, дрожжами в сердце бродит.

Купи его! — и поднеси ко рту,
добавь мажора в жизненную гамму,
где майский мед — и нищенский картуз,
капустный лист — и луковицы храма.
...Осенний полдень радостно-тверез,
притихло все в своем базарном лоне,
и медь — в картуз... и роза в каплях слез
певцом больна в цветочном павильоне.

* * *

Укатилась гроза. Укаталась гремучая сивка.
В переулке — ручьи, озерки,
вечереющий ветер взбивает высокие сливки
над муаровой лентой реки.

И — на то и четверг — с этажей силикатного замка,
в полутьне, обрамленную им,
опускается дева, чей взгляд деликатен и замкнут
на касании с грешным моим.

И красна мне она, как повально красна земляника,
потому что июнь подоспел.
Потому что спокойное «знаю» курносого лика
невозбранно дырявит доспех.

Потому что синее озоновый слой. Поелику
лучезарен стеклярус ветвей!
Потому что — живой... и умыта дождем земляника
в решете из кирасы твоей.

ПРОГРЕССОР

Холмы пустыни. Раскаленный
камнями Азии сквозняк.
Араба шпорами казня,
спешит барон из Аваллона.
Тяжелый панцирь. Пот соленый.
Он скачет, коршуну родня,
и пена падает с коня
в святой земли сухое лоно.
Он крестоносец, прах от праха,
не Божий перст, но жалкий знахарь.
Надмирных не узнать лугов
душе, истлевшей, как рубаха.
И Сын Марии и Аллаха
печально смотрит на него.

О ПУТЯХ ЭВОЛЮЦИИ

...И последнее дело — пенять природе,
что она не старается стать хорошей —
как назло, кривыми путями бродит,
континенты и живность в окрошку крошит,

и вообще ведет себя непригоже —
заливает лавами палимпсесты,
накосячив, тут же грунтует место
для каких-то новых своих художеств.

Хочешь — смейся, но в этом прискорбном факте,
в пандемии, накрывшей и нашу Землю,
отражен нестойкий ее характер,
ибо местный дьявол и тут не дремлет.
Для того ему и нужна аренда,
чтобы горний тезис пустить насмарку,
эволюцию Дарвина сделать брендом,
зачеркнув развитие по Ламарку.

Сплошь и рядом с ним никакого сладу,
дирижирует запросто всей оравой,
потому что принцип «Смотри, как надо!..»
подменяет кличем «Хватай и хавай».
Обретаясь в той же экосистеме,
где всегда и всё ловили и ели,
государство, естественно, тоже в теме,
огласив прилюдно иные цели...

Мы опять о своем, о Большой потраве.
Ни следа Инонии в пыльном хламе,
но шакал Табаки в родной державе
воплотился в каждом чиновном хаме,
и любой идеал холуем облизан,
и трусливы графы ее запретов.
Конституции ломаются от девизов,
а шкафы канцелярские — от скелетов.

Не исполнилось то, что мы замышляли,
и стыдись девяностых, как почечуя,
удивляясь живучести джугашвали,
на ветру живем, натошак кочуем.
Чудаки, что мерились с днем вчерашним
и на шаг смелее и дальше были —
в лагерях и в бойне у телебашни
стали прахом, но не дорожной пылью...

Что сказать. Мы крепко временем биты.
Память помнит, не надо рыться в архиве.
Углеродные часики тех событий —
в неистлевших костях. Времена глухие —
наш урок, наследие мезозоя
(да не будет выпренной эта фраза).
И дорога наша пахнет золою.
Нам простится. Но это будет не сразу.